

- Алё... Слушаю вас...
- Почему ты мне никогда не звонишь?
- Что?..
- Почему ты никогда не звонишь?
- Но... у меня нет твоего номера...
- Посмотри – он высветился у тебя на дисплее...
- Точно...
- Позвони мне...

Вселенная волею Создателя или же согласно физическим законам мироздания занимала отведённое ей пространство, и пространство это было бескрайним. Часть её с характерным набором небесных тел, для простоты именуемых звёздами, привычно созерцалась сквозь прозрачную атмосферу с поверхности планета Земля. Различные по яркости светила составляли разнообразные по форме и численности скопления, устилающая собою весь небосвод. Но в этот раз небо вдобавок ко всему бушевало грандиозными зелёными всполохами, вызванными некими магнитными возмущениями и известными как «северное сияние». Явление это, обычно наблюдаемое в полярных районах в ясную морозную ночь, случалось здесь регулярно. Белые, зелёные, а иногда и фиолетовые «небесные пожары» вспыхивали и гасли десятки раз за ночь, что мало кого удивляло, хотя бы потому, что здесь вообще было немного разумных существ. К тому же и ночи здесь длились по несколько месяцев.

Простиравшаяся внизу бело-серая пустыня, отражавшая своей снежно-ледяной бугристой поверхностью буйное цветение небосвода, на первый взгляд казалась незывлемой и застывшей. На деле же

даже при полном безветрии пребывала она в постоянном движении и непрерывной трансформации. И оглядев её с достаточной высоты, можно было увидеть, как крупные и мелкие льдины, слагавшие этот псевдомонолитный ландшафт, где-то сходятся, налезают друг на друга, крошась и образуя подобные швам гряды торосов, а где-то расходятся, открывая через трещины и разводя чёрные участки несущей их океанской бездны.

Здесь была Арктика, полная пустоты, безразличия и тайны.

Продолжая созерцать в процессе ночного полета десятки обширных ледовых полей, сотни крупных льдин и тысячи льдин поменьше, каково было бы вдруг обнаружить, что на одной из них, вовлеченной среди прочих в эту сложную северно-ледовитую круговерть, навстречу звёздам испускают нездешний электрический свет фонари научной дрейфующей станции? Но ведь так всё и было! Около полутора десятков жилых и служебных строений, слагавших лагерь русской полярной станции «Северный полюс-42», возвышались посреди снежных застругов и ледяных хребтов, на год привнеся в этот край новые формы, краски и звуки. Домик, снабжённый флагштоком с государственным флагом, совмещал в себе функции камбуза и кают-компания, оправдывая таким образом наиболее крупные размеры и центральное положение в лагере. Вход в кают-компанию освещал самый мощный стационарный фонарь, а из окон её лился яркий многообещающий свет. Внутри сидели лохматые и большей частью бородатые мужики. Ели, пили, звенели посудой да почёсывали языки. Был ужин, и за столом находился почти весь стационарный состав. До полного комплекта не хватало только дежурного механика да вечно опаздывающего гидрохимика. Из-за постоянных опозданий к приему пищи двадцатитрехлетнего гидрохимика Галкина на станции звали Герман (в миру его имя было Андрей). «Уж полночь близится...» – традиционно начиналось обсуждение его отсутствия за обеденным столом. Вот и теперь ужин уверенно клонился к чаепитию, когда за дверью послышался громкий топот отряхиваемых унтов. Через секунду-другую дверь распахнулась – на красном с мороза, поросшем щетиной широком лице возникшего в дверном проеме детины значилась довольная ухмылка. Он обвел жизнерадостным взглядом сидевших за столом бывалых полярников и, отдавшись клокотавшему в груди радостному возбуждению, не то спросил, не то констатировал:

– Жрёте, мать вашу!

Один из сидевших за столом сухой мужичок с острой татарской бородкой резко выпрямил спину, выгнул бровь и, метнув из глаз пару молний в направлении Германа, уже успел открыть рот, чтоб сказать пару ласковых, как рядом с ним вдруг кто-то хмыкнул, напротив, переглянувшись, прыснули ещё два бородача, и вот уже вся трапезная комната огласилась заразительным хохотом.

Дежуривший по лагерю механик Володя Меньжуев сидел в дизельной и наблюдал сквозь окно за первыми признаками зачинающейся пурги – по улице вовсю мел поземок. Бродить по лагерю в такую погоду совсем не хотелось. Здесь же, в тепле, из окон открывался неплохой вид на кают-компанию, домик радио-метео, палатку океанологов, стоящий на постаменте деревянный туалет и домик начальника; на дальнем плане сквозь снежную пелену виднелось еще несколько палаток и эстакад с бочками.

Дверь сортира отворилась, и красная лампа над ним, оповещавшая всех о присутствии внутри посетителя, погасла. Меньжуев видел, как покинувший туалет начальник станции Валентин Кабалёв спустился по ступенькам с постамента, совершил несколько бодрых шагов в направлении своего домика, затем пару-тройку шагов не столь бодрых, потом остановился, развернулся и опять в бодром темпе проделал тот же путь в обратном направлении, вновь оказавшись за дверью уборной.

Механик Меньжуев, потратив несколько секунд на осмысление ситуации, встал, надел шапку и куртку и вышел из дизельной. Но через несколько секунд вернулся, снял со стены карабин и вышел опять.

Одна пара рук окунала грязную тарелку поочередно в один за другим три таза с различной по температуре и мутности жидкостью, рожденной растопленным снегом с добавлением горчичного порошка. А вторая пара рук принимала у первой уже вымытую таким образом тарелку и обтирала ее большим полотенцем. Первая пара рук служила бывалому полярнику океанологу Лёхе. Сегодня он нес дежурство по камбузу. Помогал припозднившийся Герман.

– Ну, ты, старик, молодец!.. Как, ты сказал там? Что, етит вашу, жрёте?! – зашелся в гомерическом уханье Лёха, едва не выронив только что вымытую тарелку.

– Да ладно, – подхватывая посуду улыбался смущенно Герман. – Ты понимаешь, я пробы свежие посмотрел – глазам не поверил, таких вод здесь быть просто не может. А если может, тогда я не знаю... Написал академику Кузьмину. Чуть ужин в итоге не проморгал. Захожу – все сидят, уплетают, и никому никакого дела, что там, может быть... В общем, как-то вырвалось само. Ну ты ж не в обиде?

– О-хо-хо, я-то нет, но смотрю – начальник как будто подавился. А Катараев так взвился уже... Хорошо Петрович заржал, и другие потом... Так что Петровичу спасибо скажи. А то бы Юра... у него и так, похоже, зуб на тебя.

В камбузном отсеке зазвонил телефон внутрисканционной связи.

– Ответь, – попросил Лёха, и Герман пошел снимать трубку.

– Галкин слушает, – отрапортовал он. – Да, Валерий Петрович. Ого! Понял. Хорошо. Да, он здесь. Передам.

– Ну что там? – Лёха сразу отметил появившуюся после звонка серьезность на детском лице гидрохимика. – Лыдина треснула где-то?

– Медведь на станции.

– Где конкретно? – подобрался Лёха.

– Был у туалета, сейчас у продуктового склада вроде бы. Петрович сказал – никуда не выходить.

– А в дизельной в курсе?

– Да, Меньжуев его и увидел.

– Тогда ладно. Ты чего так напрягся? – усмехнулся Лёха, оглядев все еще пребывающего в некотором оцепенении Германа. – Медведей, что ли, не видел?

– С борта видел. А так – нет, – признался тот. – А что же Рыжий? Черныш? Хоть бы гавкнули, что ль...

– Зассали, видать. Но вообще это дело такое, – снова посерьезнел Лёха. – Я бы с ним не шутил. Хозяин Арктики. Мы у него здесь в гостях. Убивать нельзя – в Красной книге, гемора потом не оберешься, до семи годков могут дать. А тут уж как карта ляжет, – заключил философски он, всматриваясь сквозь окно в привычный узор теней.

Серьезная вдумчивая тишина растеклась по кают-компаниям в почти-тельном ожидании звука. И тут за окном грянул выстрел.

– Ну, где он? – сквозь одышку спросил подбежавший Петрович.

Меньжуев молча ткнул дулом карабина в направлении стоящей метрах в пятидесяти продуктовой палатки. Медвежья морда смотрела на них прямо из свежепродранной прорехи с выражением явного неудовольствия появлением здесь двуногих в этот самый момент.

– Не боится, гад, – с обидой поделился Меньжуев.

– А где начальник?

– Там все ещё, – кивнул вправо Меньжуев в направлении сортира.

Дверь туалета слегка приоткрылась, явив голову начальника станции.

– Давай, Петрович, гони его на хрен, – приглушенно приказал Кабалёв. – Попортит же всё...

Дверь туалета опять затворилась, не сумев тем не менее заглушить характерные звуки.

– Скрутило, – с сочувствием вполголоса заметил Петрович. – Бывает.

Меньжуев криво улыбнулся.

– Давай-ка, – продолжил Петрович, – заводи-ка «Буран». Погоним «Бураном» его.

– Да что ты, погоним! – отмахнулся Меньжуев. – Не видишь – не боится он ничего. Мочить его надо...

– Сказано – заводи, значит заводи, – так же спокойно повторил Петрович. – Ты слышал, что начальник сказал?

– Не поеду я, Петрович, – твердо ответил механик. – Порвет же. Видишь – по хрену ему всё.

– Послушай, Володька, – взялся за карабин Петрович и, резко рванув на себя, вырвал его из рук Меньжуева. – Я как зам начальника приказываю тебе: иди – заводи «Буран». Вместе поедем, ты не бойсь.

– Не бойсь, – с горькой иронией повторил Меньжуев.

– Иди и не трынди. И давай только быстро.

Меньжуев, часто оглядываясь и тихо ругаясь, посеменил к стоящему у дизельной снегоходу. Медведь, чуя тревогу, вылез целиком из палатки и шагнул в направлении застывшего на месте Петровича. Петрович щелкнул затвором. Сортир отозвался тревожной дробью. Ветер беспечно присвистнул.

Послышался шум мотора, и вдруг опять грянул выстрел.

– Вон он, – показал Лёха в окно и рванул прямо без куртки на улицу.

Следом выбежал Герман. Медведь, развернувшись к полярникам задом, большими скачками удалялся от лагеря. Из-за угла показался «Буран» и устремился в погоню. За рулем был Меньжуев, он что-то пел (а скорее орал) про нелёгкую жизнь комбайнёров. Позади него, левой рукой ухватившись за сиденье, а правой за карабин, восседал Петрович. Воинственно рыча, снегоход нес их прочь, в снежную мглу.

– Отогнать его подальше хотят, – пояснил увиденное молодому коллеге Алексей, когда «Буран» скрылся из видимости. – Давай, завари-ка чайку...

– Вот так вот, Герман. Вот так, – усталым тоном наставника, преподавшего только что наглядный урок, приговаривал Алексей, в ожидании чая выискивая в вазочке среди цветного разнообразия любимые конфеты «Весёлый мишка». – А ты вот думал, скажи, – наконец обнаружил он «мишку с орехом», – думал ли ты, – повеселев-

шим голосом повторил он, – почему Кобылин у нас хмурый такой всегда ходит?

– Не знаю, – пожал плечами Герман. – Характер такой. Все ведь разные же.

– Ах, так ты ж его до зимовки не знал! – махнул Лёха рукой. – Видел бы ты, какой весёлый мужик раньше был. Заводила! Всё время с шутками-прибаутками, анекдотами, подкалывал всех...

– Да ладно, – с сомнением посмотрел на старшего товарища Герман, – Кобылин – с прибаутками? Дима?

Угрюмый нелюдимый ледоисследователь Кобылин, который даже на приветствие в лучшем случае молча кивал, а чаще, погруженный в глубокие думы, вообще не удостоивал ответом, встал перед мысленным взором Германа:

– Да из него же и слова не вытянешь...

– Так то сейчас. А раньше, знаешь, какой был балагур? Весельчак, каких мало!.. Полгода назад ещё, – Лёха вдруг нахмурился и вместе с дымящейся кружкой отвернулся к окну. – Немногие знают... Он мало кому и рассказывал.

– Лично я – никому, будь уверен, клянусь, – поспешил заверить товарища обомлевший Галкин.

– Ладно, не подведи уж, – метнул строгий оценивающий взгляд в направлении взволнованного Германа Лёха и, видно, удовлетворившись увиденным, бесстрастным голосом продолжил:

– Весной этой Дима был в экспедиции. В Карском море на атомном ледоколе «Ямал». «Росойл» заказала исследования льда в районе своей будущей добычи, и ребята целый месяц ползали по нему, бурили, давили, выпиливали всё, что для этих исследований нужно. Их было там 26 человек поначалу. Дима в той экспедиции давил образцы, изучал прочность льда. А друг его, старый товарищ со школьной, можно сказать, скамьи Серёга Сундуков бурил горячей водой лед в торосах, изучая их толщину и структуру. Да. Так вот. Утром выходят мужики с ледокола на лед, вечером – обратно, весь день на льду. Брали с собой пожрать немного и термосы с чаем. Термосы наполняли на камбузе ледокола. Вот Дима с Серёгой как раз эти термосы на всех оттуда с утра забирали, а вечером пустые обратно приносили. Дело нехитрое, в общем-то. Работалось ребятам нормально, сильных морозов не было. Все бы хорошо, но в мае в Карском море медведей полно. Поэтому, пока на льду работы идут, штурмана на мостике за медведями наблюдают. Медвежью вахту несут. И если что – дают три гудка, чтоб народ понимал – пора сваливать на борт. А кроме гудка, против мишек и не было ничего. Были цветные ракеты, конечно, знаешь такие?.. У нас их полно... Ну а что с них ему? Как слону дробина, только интерес будят. Их и не брал на лед никто – бесполезно потому что. Оружие на борт атомного ледокола брать нельзя. Вообще никакого. Раньше у капитана всегда пистолет был. Теперь и его запретили.. Работали месяц, и где-то из них дней пятнадцать, наверное, приходили медведи. Любопытные твари. Несколько раз ошивались вдали. Несколько раз приходили до или после работы, когда на льду людей не было. А раза три приходилось спасаться: пароход гудит, народ оставляет на льду всё оборудование и ломится на борт, ждёт пока медведь подальше не сдристнет. Медведи обычно боялись – тифон громко гудит. Ну а пару раз прозевали. Поздно заметили на мосту. Понятно, пока стоит ледокол – что на мосту делать-то?.. вокруг лед да снег,

только учёные что-то там ковыряют, смотреть на одно и то же целый день скучно. Ну и, сам понимаешь, чайку погонять, потрындеть, байки потравить... А тут вдруг раз! И вроде бы только что не было поблизости никого... У медведя ж прыжки по семь метров. От него хрен уйдешь... Когда увидели, загудели, он – раз-раз и у трапа уже. А народ на торосе отрезан! Ну, загудели, конечно, на полную. Напугали его. Хорошо, он от трапа к торосу не дернул, в другую сторону поскакал – народ успел на борт забраться. А в другой раз, когда проморгали, не повезло. Торос был высокий, он и скрылся за ним. Да и видимость хреноватая, туман напознал... Серёга Сундуков как бурильщик оказался всех ближе. Он-то увидел, когда медведь метрах в двадцати уже был. А до ледакола бежать метров двести. Бесполезно – догонит тебя как два пальца. Серёга крикнул, чтоб народ предупредить. Успел достать из штанов фальшфейер, рванул за верёвку, зажёг. Над головою поднял его, заорал: «“Зенит” – чемпион!» (болельщик был тот ещё – на работу всегда в зенитовском шарфе выходил). Тут и на мосту, конечно, заметили, загудели... Но медведь уже в режиме охоты был. А если он начал охоту – его уже ничем не собьёшь. Несколько прыжков, и на глазах коллег и товарищей...

– Так что же все – просто стояли?..

– «Стояли»... так быстро же всё: лапой в голову раз – и привет. Дима неподалеку был, а что сделаешь? Схватил пешню, кинул... Да там труп уже был – секундное дело. Да и пешня не долетела. Люди видят: медведь тело зубами схватил, оттащил чуть подальше в торос и там треплет... Дима, а с ним ещё два смельчака подобрались поближе – нужно же тело хотя бы отбить. Один с пешнёй, другой с бензопилой, Дима с лопатой. Шумят, наступают. Медведь на время Серёгу бросил, повернулся к ним. Те смотрят: на месте живота у Серёги – здоровая красная дырка, и ляжки одной уже нет... Медведь повернулся-то к ним и ка-а-ак встанет на задние лапы!.. «Ладно, – кричат мужики, – доедай, хрен с тобой!.. Чтобы ты подавился, скотина». Отступили... Вдруг видят: к ним от парохода бежит человек в чёрных брюках и белой рубашке. А с трапа тётка, буфетчица, орёт ему вслед: «Стас! Стас! Ты куда?..» По снегу бежит в обычных ботинках, ноги вязнут, падает, снова встаёт... А в руках – не то ракетница, не то пистолет. Бежит, матерится. Глядят: так это же капитан! Поравнялся с мужиками, красный как рак, прицелился в медведя и выстрелил. Настоящий боевой пистолет оказался! Хотя и нельзя официально, а все равно нужен ведь – вдруг бунт или там паникера прижучить... Выстрелил он – не попал. И опять побежал. Дальше к медведю! Бежит, орет, руку с пистолетом вперёд выставил и палит на бегу. Попал, не попал – не известно, но медведь только вдруг пересрался, бросил Серёгу (хотя там мало уж что на него похожего осталось) и давай удирать. А капитан всё равно – так за ним и бежит!.. Остановился, когда только пули закончились... Мужики Серёгины останки в волокушу сложили и на пароход отвезли. В тот же вечер вызвали с Диксона вертолёт, чтобы тело к родным в Питер доставить, а пока положили его в рефрижератор на камбузе. А на Диксоне задуло. Погода нелётная. Так и лежит в холодильнике день, второй, третий... А работать же надо. Дима теперь один по утрам на камбуз за термосами приходит, а там за дверью Серёга... Смотрю, говорит, на рефкамеру каждое утро и думаю: «Ну как ты там, друг?» Вот так. На пятый день прилетел вертолёт, вывез Серегу. Ну а Дима с тех пор... ну сам видишь. Дверь отворилась, и в кают-компанию вошёл Петрович.

– Да-а, – протянул впечатлённый Галкин. – А Сундуков, он тоже у нас в институте... работал?

Алексей промолчал. Герман, увидев Петровича, сразу осёкся. Тот сел за стол, усмехнулся и покачал головой.

– Прогнали медведя, Петрович? – обратился к вошедшему Алексей.

– Прогнали, – махнул рукой тот. – А тебе вот не стыдно, Борисыч? Опять про Кобылина звездунца заправлял?..

– А у тебя вот, Петрович, язык прямо чешется это... покровы сры-
вать! – оскалился в улыбке Лёха.

– Ладно, Андрюха, – обратился Петрович к ошарашенному Герману. – Зато теперь знаешь: Борисыч – свистун еще тот. И не было никогда полярника Сундукова. Уж я б его знал.

Меньжуев опять сидел в дизельной. Его четырехчасовая вахта едва перешла свой экватор, а уж столько, казалось, вместила. Он сжимал обеими руками кружку с горячим кипятком, стремительно вбивавшим в себя содержимое чайного пакетика, и думал над тем, что вот как ни крути, а жизнь-то для подвига всегда найдет место...

В окне показался начальник, и вот он уже стоял здесь, в ДЭС, в механическом сердце, разгоняющем энергию по всем станционным объектам.

– Ну, замерз? Далеко отогнали? Молодцы, мужики, – как пулемет застрочил Кабалёв, словно и не нуждавшийся в ответах. – Кружка есть пустая? Бутылка? Куда налить можно, – он вынул из кармана 250-граммовую металлическую флягу, обтянутую крокодиловой кожей.

– Сейчас, я это, – схватил кружку с чаем Меньжуев и сделал шаг к умывальнику.

– Не надо, – прочитал его намерения Кабалёв, поставив флягу на стол. – Занесешь после вахты. Аккуратней только, на вкус-то он мягкий, но градусов семьдесят есть. На травах. И это... на вот, домой позвони, – извлек он из-за пазухи спутниковый телефон. – Петровичу тоже скажу, чтоб к тебе заглянул через час – телефон ему передашь.

– Спасибо, Семёныч.

– Спокойной вахты.

– Алё! – Меньжуев держал одной рукой телефон, а ногтем большого пальца второй продавливал новый узор в крокодильем декоре начальничьей фляги. – Алё! «Ночь любви»? Надю можно мне?.. Плохо слышно вас... Надя? Здравствуй, Наденька! Это Володя с Северного полюса. Да! Правда? Да, я! Да, хорошо, спасибо, как ты? Ну ладно. Да не, все нормально! Только времени вот мало у меня... Ага, как обычно. Давай, давай, радость моя, – пустая фляжка, на миг оставленная без внимания, качнулась и звучно плюхнулась на пол...

– Ты скажи мне, родной, что сейчас на тебе?.. Поняла... Я расстегиваю твои меховые штаны... И быстро снимаю...